

Ж.К. Туймебаев* , Н.И. Егоров

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

*e-mail: turkology.ri@gmail.com

ДРЕВНЕЙШИЕ ОГУЗСКО-ОГУРСКИЕ ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

В статье авторы ставят актуальный для современной филологии вопрос о важности создания междисциплинарной отрасли социально-гуманитарных исследований «диахроническая этнолингвокультурологическая компаративистика» в качестве методологической основы специальной комплексной научно-теоретической дисциплины. Впервые авторами представлена презентация узловых моментов в истории взаимоотношений двух основных ветвей пратюркского этнолингвокультурного континуума, условно обозначенных как огузский и огурский, а также проведена предварительная лингвистическая экспертиза этнонима «тюрк» на предмет выявления его истинного предметно-понятийного содержания. При этом авторы указывают на тот факт, что даже современные исследователи стараются дистанцироваться от проблемы этноязыковой атрибуции сообществ людей, скрывающихся за раннесредневековыми терминами турки, тюрки, туцзюэ, тюркюты и т.п.

В настоящее время профессионально подготовленным специалистам хорошо известно, что этнонимический термин «тюрк» восходит к восточноиранскому (согдийскому) этнониму *turk* (мн.ч. *turkut / türkü*, отсюда кит. *tūjūé / туцзюэ*) «жители Турана». Туцзюэ китайских исторических источников с самого начала были отождествлены с древними тюрками, вернее – с тюркоязычными огузами, уйгурами и другими племенами, отчего пошли дальнейшие ошибочные построения в реконструкции слабо документированного раннего этапа этнолингвокультурной истории Центральной Азии. Опираясь на сведения китайских династийных хроник, авторы указывают, что в середине V в. н.э. на юго-западе Циркумгобийской историко-культурной провинции всё больший политический вес приобретают обосновавшиеся на основных торговых магистралях Великого шёлкового пути согдийские торговцы – туцзюэ китайских исторических источников.

Именно согдийцы (туцзюэ китайских источников) стали инициаторами основания Первого Тюркского каганата. В наше время в паранаучных кругах остро дискутируется вопрос тюркской или (восточно)иранской идентификации центральноазиатских популяций поздней древности и раннего средневековья. Наиболее корректным ответом на этот каверзный вопрос, по нашему твёрдому убеждению, является внятный ответ: и тюрки, и восточноиранские племена скифо-сакского круга. То есть, двойственный вопрос «или, или?» надо трансформировать в однозначный ответ «и, и», ибо восточноиранские племена в средневековье растворились среди тюркоязычных племён, и их этническая история стала неотъемлемой частью истории Тюркского мира. Мы не сомневаемся в том, что преодолеть сложившуюся в исторической науке традицию непросто, но всё же это необходимо.

Ключевые слова: компаративистика, тюрки, огузы, огуры, тюркская палеоистория, этнолингвокультурология.

Zh.K. Tuimebaev*, N.I. Egorov

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

*e-mail: turkology.ri@gmail.com

Ancient oghuz-oghur ethno-linguo-cultural relations

The authors of the article raise a topical issue for modern philology on the importance of creating an interdisciplinary branch of social and humanitarian research “diachronic ethno-linguoculturological comparative studies” as a methodological basis for special complex scientific and theoretical discipline. That is the first time the authors present key issues in the history of relationship between two main branches of the Proto-Turkic ethno-linguo-cultural continuum, conventionally designated as Oghuz and Oghur, and preliminary linguistic examination of the ethnonym “Turk” is also carried out for the first time to identify its true subject-conceptual content. At the same time, the authors point to the fact that even modern researchers are trying to distance themselves from the issue of ethno-linguistic attribution of human communities hiding behind early medieval terms *Turks*, *Tyurks*, *Tyuzdzyue*, *Tyurkyuts*, etc.

At present, professionally trained experts are well aware of the ethnonymic term “Turk” going back to the Eastern Iranian (Sogdian) ethnonym *turk* (pl. *turkut* / *türküt*, hence the Chinese *tūjué* / *tyuzdzyue*) “Turan inhabitants”. *Tyuzdzyue* were identified with the ancient Turks in Chinese historical sources from the very beginning, or rather with the Turkic-speaking Oghuzes, Uighurs and other tribes. It led to further erroneous constructions in poorly documented early stage of the ethnolinguocultural history of Central Asia. Based on information from Chinese dynastic chronicles, the authors point out that in the middle of the 5th Century AD in the south-west of Circumgobi historical and cultural province, Sogdian merchants, the *Tyuzdzyue* of Chinese historical sources, who settled on the main trade routes of the Great Silk Road, are gaining more and more political weight.

Keywords: comparative studies, Turks, Oghuzes, Oghurs, Turkic paleohistory, ethnolinguoculturology.

Ж.К. Түймебаев*, Н.И. Егоров

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

*e-mail: turkology.ri@gmail.com

Ежелгі оғыз-оғыр этнолингвомәдени қатынастары

Бұл мақалада авторлар қазіргі заманғы филология үшін ерекше кешенді ғылыми-теориялық пәннің әдіснамалық негізі ретінде «диахроникалық этнолингвомәдени компаративизм» әлеуметтік-гуманитарлық зерттеулердің пәнаралық бағытын құрудың маңыздылығы туралы өзекті мәселені көтереді. Алғаш рет авторлар пратүркі этнолингвомәдени континуумның екі негізгі тармағының өзара қарым-қатынас тарихындағы шартты түрде оғыз және оғыр деп белгіленген түйіндік нүктелердің тұсаукесерін ұсынды, сондай-ақ оның шынайы пәндік және тұжырымдамалық мазмұнын анықтау үшін «түркі» этнониміне алдын ала лингвистикалық сараптама жүргізілді. Бұл жағдайда авторлар тіпті қазіргі зерттеушілер ерте ортағасырлық түріктер, түркілер, туцзюэ, түркіттер және т.б. терминдерінің артында жасырынған адамдар қауымдастығының этнолингвистикалық атрибуциясы мәселесінен алшақтауға тырысып жатқанын көрсетеді.

Қазіргі уақытта кәсіби дайындалған мамандарға «түркі» этнонимдік термині Шығыс Иран (соғды) «*turk*» (көпше түрде *turkut* / *türküt*, осыдан қытайша *tūjué* / туцзюэ пайда болды) «Тұран тұрғындары» этнонимінен пайда болғаны белгілі. Туцзюэ Қытайдың тарихи дереккөздері басынан бастап ежелгі түркілермен, дәлірек айтсақ, түркітілдес оғыздармен, ұйғырлармен және басқа тайпалармен анықталды, бұл Орталық Азияның этнолингвомәдени тарихының нашар құжатталған ерте кезеңін қайта құруда одан әрі қате құрылыстарды тудырды. Қытай әулеттік шежірелерінің мәліметтеріне сүйене отырып, авторлар б.з. V ғасырдың ортасында Циркумгобия тарихи-мәдени провинциясының оңтүстік-батысында Ұлы Жібек жолының негізгі сауда жолдарына қоныстанған қытайлық тарихи деректердегі соғды саудагерлерінің – туцзюэ саяси салмағы артып келе жатқанын көрсетеді.

Тұңғыш Түрік қағанатының негізін қалаудың бастамашысы болған соғдылықтар (Қытай дереккөздерінде туцзюэ) болды. Қазіргі уақытта парағылыми ортада ежелгі және ерте орта ғасырлардағы Орталық Азиялық популяцияларды түркі немесе (Шығыс) Иранның сәйкестендіру мәселесі қызу талқылануда. Бұл күрделі сұраққа ең дұрыс, біздің сеніміміз бойынша, анық жауап: скиф-сақ шеңберіндегі түркілер де, Шығыс Иран тайпалары да. Өйткені ортағасырлық шығыс иран тайпалары түркі тілдес тайпалар арасында сіңісіп, олардың этникалық тарихы түркі әлемі тарихының ажырамас бөлігіне айналды. Тарих ғылымында қалыптасқан дәстүрді жеңу оңай емес екеніне күмәніміз жоқ, бірақ бұл әлі де қажет.

Түйін сөздер: компаративистика, түркілер, оғыздар, оғырлар, түркі палеотарихы, этнолингвомәдениеттану.

Введение

Проблематика огу́рской этнолингвокультурной общности уже достаточно давно обозначена двумя областями социально-гуманитарных дисциплин – *диахронической этнолингвокультурной компаративистикой*, занимающейся сравнительным историко-генетическим изучением языков, культур, этносов и их генеалогической систематизацией, и *палеоисторией* (предысторией, доисторией), изу-

чающей совокупность письменных, археологических, этнокультурных, антропологических и других релевантных источников, освещающих далёкое прошлое и средневековье Великой евразийской степи. Современная этноязыковая карта, отражающая расселение тюркоязычных народов по ойкумене – это результат многотысячелетних этнолингвокультурно-генетических и миграционных процессов. Древнейшие очаги первоначального формирования тюркской этнолингвокультурной общности были нераз-

ривно связаны с востоком Евразии – огромным Циркумгобийским регионом. Именно там следует искать истоки праогузов и праогуров далёких предков современных турок и чувашей. В данной публикации пунктирно рассматривается проблема соотношения древних тюрков (*Toúrkaí* античных, ранних византийских авторов, *туцзюэ* китайских источников), с одной стороны, и праогузов – с другой.

В данной публикации впервые представлена презентация узловых моментов в истории взаимоотношений двух основных ветвей пратюркского этнолингвокультурного континуума, условно обозначенных как *огузский* и *огурский*. Специалистам хорошо известно, что в огузских языках и чувашском, единственном живом представителе огузской группы, имеются сепаратные материальные и структурные параллели, не представленные в других классификационных группах тюркских языков (Федотов, 1977: 25-32; Левитская, 1982: 97-103). Природа этих параллелей требует осмысления их происхождения, что непосредственно сопряжено с изучением древнейших огузско-огурских этнолингвокультурных взаимоотношений, всестороннего обоснования их генезиса и ответов на вопросы: когда и где могли иметь тесные контакты между тюркскими племенами огузской общности и огузскими предками чувашского народа?

Современный уровень развития основных социально-гуманитарных дисциплин позволяет углубиться в тюркскую палеоисторию примерно до рубежа II – I тысячелетий до н.э. Это примерно три тысячи лет от наших дней. Рамки настоящей публикации не дают возможности сколько-нибудь подробно остановиться на детальном освещении затронутых вопросов и обоснования декларируемых постулатов репрезентативной эмпирической базой.

Многое в тюркологии до сих пор зиждется на умозрительных предположениях, сложившихся ещё в XIX веке и обоснованных уровнем науки того времени, но, к сожалению, не перепроверявшихся в наши дни и воспринимающихся как непреложные аксиомы. Слепое, без предварительной лингвистической экспертизы, следование за этнонимической номенклатурой древних источников искажает реальную историю, открывает путь превратным трактовкам прошлого. Прототюркские популяции в доступный обзорно доисторический период (во II тысячелетии до н.э.) обитали в Юго-Западной Маньчжурии в долинах рек Ляохе и Ляохаэ, но уже к рубежу II–I тысячелетий до н.э. заняли практически

всю юго-восточную периферию Циркумгобийского региона.

Материалы и методы

Большая часть репрезентативной эмпирической базы об образе жизни, социально-культурных, хозяйственно-экономических системах, военном искусстве и практиках многочисленных племён *огурского этнолингвокультурного континуума* Внутренней Азии эпохи поздней древности и раннего средневековья содержится в подлинных китайских нарративных источниках – надписях на бронзовых сосудах, различных документах на бамбуковых или деревянных планках, династийных хрониках, сочинениях ранних историков и т.д. Однако не следует забывать и о том, что ранние этапы этнолингвокультурной истории популяций Циркумгобийского региона протекали вне поля зрения древних китайских историографов, и поэтому сведения письменных источников не позволяют достоверно проследить процессы распада прототюркского континуума и локализовать первоначальные районы обитания племён огузской общности. Большая часть древнекитайских нарративных источников эпохи Чжоу (около XI в.–256 г. до н.э.; традиционно-условная датировка: 1122–256 гг. до н.э.; новая датировка: 1066–221 гг. до н.э.) относится к восточным и западным племенам *огурского этнолингвокультурного континуума* (*дунху* и *сиху* китайских источников). Однако приходится отмечать, что древнекитайские придворные хронисты не располагали достоверными сведениями для выделения *огурских* племён из среды остальных кочевников.

К большому сожалению, дошедшие до нас сведения китайских письменных источников не могут служить надёжной основой для реконструкции ранних этапов этнолингвокультурной истории Внутренней Азии, ибо во многих случаях остаётся неясным смысловое, предметно-понятийное содержание так называемых «этнонимических» терминов китайских нарративных источников. Приходится отмечать, что многие ключевые аспекты древней и раннесредневековой истории *огурского этнолингвокультурного континуума* Внутренней Азии и Срединной Евразии, а именно этноязыковая идентичность, антропологический состав, связь с другими окружающими этнокультурными сообществами, археологическое наследие *огурских* племён и т.д. до сих пор остаются далеко не ясными. Имеющиеся сейчас данные археологии, физической

антропологии, палеогенетики (популяционной генетики) весьма противоречивы.

На данном этапе развития социально-гуманитарной сферы наук из всей совокупности релевантной информации для этнолингвокультурной идентификации этнонимических терминов древних источников являются данные диахронической этнолингвокультурной компаративистики. Именно результаты комплексных сравнительных историко-генетических исследований самого разнородного репрезентативного эмпирического материала являются самыми надёжными этноидентифицирующими и этнодифференцирующими маркерами для палеоисторических реконструкций. Современная диахроническая лингвистическая компаративистика обладает проверенным временем необходимым инструментарием и методикой комплексных историко-генетических исследований. Но этим инструментом надо владеть и владеть хорошо. Иначе может сложиться предельно упрощённое и прямолинейное восприятие показаний источников.

Проблематика огурской этнолингвокультурной общности уже достаточно давно обозначена двумя областями социально-гуманитарных дисциплин – *диахронической этнолингвокультурной компаративистикой*, занимающейся сравнительным историко-генетическим изучением языков, культур, этносов и их генеалогической систематизацией, и *палеоисторией* (предысторией, доисторией), изучающей совокупность письменных, археологических, этнокультурных, антропологических и других релевантных источников, освещающих далёкое прошлое и средневековые Великой евразийской степи. Переходя к рассмотрению уровня разработанности некоторых вопросов истории и культуры *огурских тюркских* племён, следует отметить, что уже в конце XIX–начале XX веков актуальность изучения *огурско-булгарско-чувашиской* проблематики хорошо осознавалась историками-ориенталистами, но во второй половине XX века эта проблема постепенно стала уходить в тень: подавляющее большинство появившихся в течение последних 50–70 лет исследований по этнической истории тюркских народов. так или иначе, обращается вокруг истории древнетюркских каганатов и не углубляется в прошлое дальше середины I тысячелетия н.э.; а большинство современных лингвистов-компаративистов изучает историю тюркских языков так называемого стандартного типа и их носителей. Вся сложность изучения *огурской* этнолингвокультурной проблематики

заключается в том, что на источниковедческие и концептуальные проблемы накладываются всевозможные aberrации, созданные без малого за два века изучения истории Срединной Евразии самими исследователями, особенно в области изучения проблем этнолингвокультурологии. К рубежу миллениумов даже среди тюркологов и алтаистов мало кто осознавал исключительную важность учёта *огурского* эмпирического материала при разработке наиболее ранних этапов развития не только прото- и пратюркского состояний языка, но и для объективного понимания этнокультурной и этнополитической истории контактировавших с ними индоевропейских, сино-тибетских, палеоазиатских, финно-угорских и ряда других этнолингвокультурных континуумов Срединной Евразии. При таком подходе огромный *огурский тюркский хронотон*, охватывающий временной диапазон как минимум с середины I тысячелетия до н.э. и, в лице живого чувашского языка, вплоть до наших дней, а в пространственном отношении – всю Срединную Евразию от западных отрогов Большого Хингана на востоке до Карпатского бассейна на западе, странным образом выпадает из поля зрения тюркологов и востоковедов.

Выход из создавшегося положения просматривается в создании научно-теоретических и методологических основ специальной комплексной междисциплинарной отрасли социально-гуманитарных исследований, которую можно обозначить как «*диахроническая этнолингвокультурологическая компаративистика*». По сути, в этом ничего особо нового нет, это всего лишь синтез уже подзабытого старого доброго метода «*слова и вещи*» (“*Wörter und Sachen*”) и традиционного сравнительного историко-генетического / генеалогического языкознания.

Следует также отметить объективные трудности корреляции письменных, археологических, лингвистических, генетических и прочих источников и результатов аналитических исследований в релевантных отраслях социально-гуманитарной сферы наук. Специалистам хорошо известно, насколько сложно наложить на ареал той или иной археологической культуры репрезентативный эмпирический материал социально-культурной и физической антропологии и популяционной генетики. Ситуация ещё более усугубляется, когда исследователи предпринимают попытки сопоставления данных диахронической лингвистической компаративистики с показаниями других смежных социально-культурных дисциплин. Даже на одной диахрони-

ческой страте сопоставление археологических и лингвистических ареалов вызывает жаркие дискуссии, не говоря уже о внедрении в комплексные междисциплинарные компаративные исследования материалов исторической этнологии и ДНК-генеалогии.

На современном этапе развития междисциплинарных исследований проблема на первый взгляд действительно выглядит весьма затянутой во времени и запутанной в пространстве. Будущее – за синтезом данных всех релевантных социально-гуманитарных и естественных наук. Образно говоря, будущих археологов надо снабжать лопатами, заточенными диахронической лингвистической компаративистикой.

Обзор литературы

В современной тюркологии остро дискуссионным является вопрос пространственно-временной локализации так называемой тюркской прародины. По подсчётам М.З.Закиева, «ведущими тюркологами современности в качестве прародины тюрков выдвинуты более десяти регионов: 1) Алтай, 2) Северный и Северо-Западный Китай, 3) регион Тянь-Шаньских гор, 4) Передняя Азия, 5) Западная Азия, 6) Центральная Азия, 7) Северо-Западная Сибирь, 8) Прибайкалье, 9) междуречье Иртыша и Урала, 10) Урал-Поволжье, 11) Восточная Европа» (Закиев, 2003; 2009: 136; Zakiev, 2006: 10–17).

Также существуют самые разные представления о местонахождении первичной и промежуточных тюркских прародин. Учёные до сих пор не пришли к единому мнению по вопросу времени распада прототюркского этнолингвокультурного континуума и т.д. На современном этапе развития тюркологии первоочередной задачей исследователей является преодоление устаревших и явно ошибочных идей и постулатов XIX–XX веков, прокладывание ранее неизвестных путей к получению новых знаний по тюркской палеоистории, конструирование новых методических подходов и теоретических концепций, свободных от устаревших догматов и т.д. В этой связи есть необходимость с самого начала ознакомить читателя с наиболее корректной версией пространственно-временной локализации прототюркской (не путать с пратюркской) этнолингвокультурной общности накануне её распада. В свою очередь проблема локализации тюркской прародины так или ина-

че сопряжена с существующей в ориенталистике с XIX века алтайской теорией (Егоров, 2017: 126–141; Туймебаев, 2004, 2006, 2008; Кажыбек, 2020: 9–19), привнесшей немало вреда в изучение тюркской палеоистории.

Традиционно сложилось представление, согласно которому прародиной тюрков является Центральная Азия, конкретно – Алтай, а первое упоминание этнонима *тюрк* относится к V веку н.э. и связано оно с именем «небесных тюрков» (*кёк-тюрков*, *туцзюэ* китайских источников), которые под предводительством клана *Ашина* в 551 году создали Первый Восточнотюркский каганат. Чтобы не быть голословным, для начала приведём образчик наиболее популярного в российской тюркологии представления о предистории тюрков: «Во II–I тыс. до н.э. в среде «алтайских» племён постепенно сформировались пратюрко-монгольская и пратунгусо-маньчжурская языковые общности. Внутри первой из них в середине I тыс. до н.э. началось сложение прототюркских и протомонгольских языков, причём племена – носители протомонгольских языков консолидировались в Маньчжурии и Северо-Восточной Монголии, а племена – носители прототюркских языков расселялись главным образом в Центральной и Внутренней Монголии, от Байкала до Ордо-са. Процессы языковой дифференциации были весьма сложными и протекали в разных областях неодинаково; на многих территориях прототюркские и протомонгольские племена жили смешанно; в Западной и Центральной Монголии, где до начала II тыс. до н.э. преобладали ираноязычные юэчжи, прототюркские племена находились в непосредственном соседстве с ними. Такова была в самых общих чертах этнолингвистическая карта Средней и Центральной Азии до образования первой кочевнической империи в Центральной Азии, которая была создана племенным союзом хунну (гуннов), оттеснившим юэчжей и многочисленными сакскими племенами в Среднюю Азию» (Кляшторный, Султанов, 1992: 51–52; 2000: 47–48; 2004: 53–54; 2009: 61–62). Здесь не место разбираться в явно некорректных представлениях автора приведённой цитаты. Надеюсь, профессионально подготовленный читатель сам разберётся во всех перипетиях тюркской палеоистории, сравнив эти умозрительные положения с предлагаемым ниже нашим видением ранних этапов истории прото- и пратюрков.

Результаты и обсуждение

Местоположение изначальной прародины тюрков (новая версия)

Наши представления об этнолингвокультурной истории восточного региона степной Евразии значительно отличаются от устоявшихся в современной тюркологии. Для удобства ориентации в исторической географии данного региона представляется уместным введение в научный оборот понятия «Циркумгобийская историко-культурная провинция» («Циркумгобийский регион»). Это понятие объединяет обширную территорию «восточноевразийской половины» Степного пояса Евразии (Черных, 2009: 11), ограниченную с севера южной границей сибирской тайги, с востока – горной системой Большого Хингана, с юга – Великой китайской стеной, с запада – Ганьсуйским коридором и Саяно-Алтайским нагорьем. По нашим представлениям, прототюркский этнолингвокультурный континуум на рубеже II–I тысячелетий до н.э. располагался на территории юго-восточного сектора Циркумгобийской историко-культурной провинции, где сейчас располагаются провинции Ляонин, Хэбэй и центральные аймаки Автономного района Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики. Археологическим выражением прототюркского этнолингвокультурного континуума является культура плиточных могил раннего железного века, которая датируется в широком временном диапазоне от 1300 г. до н.э. до 300 г. до н.э.

Важным аргументом для локализации тюркской прародины в районе провинции Ляонин является наличие названия наиболее древней земледельческой культуры проса в прототюркском (прототюрк. **ögür* ~ чуваш. *vir* «просо»), сохранившегося в современном чувашском и ряде стандартных (огузских) тюркских языков (Егоров, 2009, II: 376–386). Специалистам хорошо известно, что просо (*Panicum milliaceum*) впервые было окультурено именно на севере древнего Китая около 10 тысяч лет назад (культура Цишань в провинции Хэбэй) и оттуда распространилось по ойкумене. Археологические следы культуры проса обнаружены на неолитических памятниках Синлунгоу (6200–5400 гг. до н.э.) во Внутренней Монголии, Синьлэ (5500–4800 гг. до н.э.) в провинции Ляонин, Цишань (6500–5000 гг. до н.э.) в провинции Хэбэй и в других местах Северного Китая. Китайские династические хроники постоянно указывают, что племена группы *дунху*, а также *сюнну* занимались

возделыванием проса. Археологические данные также подтверждают, что единственной земледельческой культурой, известной *сюнну*, было *просо* (Егоров, 2021). Всё это говорит о том, что прототюркские популяции в доступный обзорный доисторический период (во II тысячелетии до н.э.) обитали в Юго-Западной Маньчжурии в долинах рек Ляохэ и Ляохахэ, но уже к рубежу II–I тысячелетий до н.э. заняли практически всю юго-восточную периферию Циркумгобийского региона.

Отношение к алтайской теории

Авторы исходят из предпосылки об ошибочности алтайской теории в представлении её отцов-основателей – Г.И.Рамстедта и Н.Поппе. Данный аспект, дискутируемый в научной литературе, требует осмысления и аргументированных выводов. Определённая материальная общность традиционно объединяемых в алтайскую семью тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских (а также, с некоторыми оговорками, корейского и японского) языков сложилась относительно поздно конвергентным путём. Наиболее ранние тюркско-монгольские этнолингвокультурные контакты начали складываться относительно поздно, не ранее рубежа I–II тысячелетий н.э. Самые ранние тюркские лексические инфлюации в среднемонгольском имеют бесспорные огурские (булгаро-чувашские) фонетические и иные диагностирующие признаки. Венгерский алтаист А. Рона-Таш в среднемонгольском языке выявил более 1500 огурских лексических интерференций, среди них около 100 слов с ротацизмом и примерно столько же – с ламбдацизмом. До рубежа I–II тысячелетий н.э. предки монголов жили к востоку от горной системы Малых Хинган, преимущественно в бассейне реки Сунгари. Экстенсивное хозяйство прамонголов основывалось на охоте и собирательстве в горно-таёжной экологической нише. Из-за наступления длительного ксеротермического периода в Циркумгобийском регионе в конце I тысячелетия н.э. древнетюркские (Восточнотюркский, Уйгурский, Кыргызский) каганаты распались, население мигрировало большей частью на запад, в степи Казахстана и Средней Азии. Обитавшие в северо-восточном секторе огурские племена мигрировали вдоль берега Амура на восток и обосновались в бассейне реки Сунгари. Здесь они встретились с прамонгольскими племенами, передали им скотоводческую культуру. Практически вся терминология развитого животноводства в среднемонгольском языке имеет огурское тюркское происхождение.

Таким образом, к рубежу I–II тысячелетий н.э. монголы из бывших охотников-собирателей стали настоящими номадами-скотоводами. Кстати, настоящие халха до сих пор позиционируют себя *огурами* и называются *оор монгол*. В начале II тысячелетия н.э. ксеротермический период в Циркумгобийском регионе завершился, степи Монголии покрылись травой, и огурские племена вернулись на свою родину, в бассейн Аргуни, Керулена, Онона. Вслед за ними в степи Восточной Монголии перекочевали и монголоязычные племена. В первых веках II тысячелетия нашей эры в северо-восточном секторе Циркумгобийской историко-культурной провинции разгорается серьёзное противостояние между монголами и *огурами*, но это уже другая история. Здесь оговорим только два важных момента. В формирующийся среднемонгольский язык в X–XII вв. был внесён огромный материальный вклад огурским (*дада* китайских, *татары* древнетюркских источников) этнолингвокультурным субстратом. С основанием в 1206 году Великой Монгольской империи (*Yeke Mongqol ulus*) Чингисхана (кстати, этноним *монгол* восходит к огурскому **top-qol* ~ чув. *мйн хул* – букв. «большая рука», так назывался центральный «полк большой руки», набранный преимущественно из рода Темучина *кият-борджигин*) начинается сильное влияние на среднемонгольский уйгурского языка, и с этого времени монгольский язык начинает пополняться тюркизмами стандартного фонетического облика. В свою очередь, примерно с XIV века, начинается монгольское влияние на тунгусо-маньчжурские языки. Таким образом, выясняется, что определённая материальная и структурная общность тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков имеет контактное происхождение и не может быть проецирована на гипотетическую праалтайскую диахроническую страту. Поэтому в исследованиях тюркской палеоистории желательнее абстрагироваться от традиционной алтайской теории.

Тюркско-огузская дилемма

Суть в общем-то банальной дилеммы заключена в вопросе: какой из двух этнонимических терминов – «*тюрк*» или «*огуз*» – первичен, и, как следствие, где, когда и почему произошла смена этнических названий тюркских племён? Одним из первых на тюркско-огузскую дилемму обратил внимание В.В. Радлов. Он высказал идею о том, что исконным самоназванием тюрков был этнонимический термин *огуз*. «Надо думать, – писал он, – *Гузы* (*Узы*, может быть всё равно, что *юз*, т.е. «сто племён») не что иное,

как *Ту-гю* (т.е. *туцзюэ*) у китайских писателей, т.е. те тюрки, которые за несколько веков до того основали большое тюркское государство, которому были подчинены все земли, лежащие к западу от Алтая; память об этом государстве могла сохраниться в народе до X столетия» (Радлов, 1893:117–118). Согласно представлениям В.В. Бартольда, «*огузы* были той турецкой (т.е. *тюркской*) народностью, которой принадлежит образование в VI в. до н.э. обширной кочевой империи, простиравшейся от границ Китая до границ Персии и Византии. Если в Монголии в VIII в. отдельно от *огузов*, *карлуков* и др. были *турки* (т.е. *туцзюэ* китайских источников), то этот народ скоро исчез бесследно; уже арабские географы употребляют слово «*турки*» (араб. *ат-турк*) как коллективное название, обнимавшее целый ряд народов, родственных между собой по языку; отдельного народа, который бы назывался просто турками, в то время не было» (Бартольд, 1963, II/1: 553).

Этнонимический термин *огуз* имеет прототюркские истоки. Наличие ротацированного варианта этого термина *огур*, представленного в достаточно ранних письменных источниках, свидетельствует о том, что слово *огуз* функционировало в прототюркском этнолингвокультурном универсуме задолго до его распада в середине I тысячелетия до н.э. В «Исторических записках» Сыма Цяня зафиксированы этнонимические термины *Wūjiē* (<*ʔɔ-giat) и *Hu-jie* (<*xɔ-giat) как название враждебного *сюнну* народности. П.Б. Голден в этих словах усматривает разные версии китайской иероглифической транскрипции тюркских этнонимических терминов **oɣur* ~ **oɣuz* или же наименования древних *уйгуров* (Golden, 2012: 155–199; Голден, 2013: 50–83). Однако эта перспективная идея нуждается в более серьёзной историко-лингвистической верификации. Наиболее ранняя достоверная фиксация этнонима *огуз* выявлена в рукописной надписи на стеле в честь Тоньюкука и датирована в пределах 712–716 гг. н.э. Упоминания огузских племён в текстах орхоно-енисейских памятников охватывает период первой половины VIII века. Термин *огуз* в раннем средневековье заключал в себе очень широкое понятие: и отдельные племена, и локальные союзы племён, и крупную совокупность тюркоязычных племён Центральной Азии. А.Н. Кононов в результате критического анализа совокупности репрезентативного эмпирического материала пришёл к заключению, что «слово *огуз* первоначально могло значить просто «племена», «объединение

племён», которое впоследствии превратилось в этническое имя с собирательным значением: *токуз огуз* – «девять (разных) племён», *үч огуз* «три (разных) племени» (Кононов, 1958: 84). Слово *огуз*, как уже было сказано, возникло очень рано, в ту далёкую эпоху, когда ещё не было таких понятий, как этнос, народ и т.п. Поэтому перед исследователем встаёт вопрос: что такое *огуз* – геноним, соционим, этноним, политоним или нарицательное слово со значением «определённая совокупность родственных людей», которую условно можно назвать «племенем»? По нашим представлениям, архетипическое значение термина **oγuz* – это «родовая община» или «группа родственных кланов», то есть некоторое объединение родов, которое соответствует латинскому *tribe* и составляет достаточно разветвлённое генеалогическое древо. Но никак не этноним в современном понятийном содержании. А.Н. Кононов определяет содержание этого слова как «собирательное¹ этническое имя» (Кононов, 1958: 84).

В эпоху древнетюркских каганатов *огузские* племена вместе с *он-уйгурами* составляли основную часть кочевого населения Циркумгобийской историко-культурной провинции. В созданном под эгидой клана Ашина из числа *согдийцев* (*туцзюэ* китайских источников) Восточном Тюркском каганате уже во второй половине VI века начинается соперничество за власть между *он-уйгурами* и *токуз-огузами*. В Первом Тюркском каганате ближе к власти находились *уйгуры* и «тукюесцы их силами геройствовали в пустынях севера» (Бичурин, 1998, I: 308), видимо тогда *он-уйгуры* инкорпорировали *токуз-огузов* в конгломератную конфедерацию *Телэ*. Во времена Второго Тюркского каганата верх взяли *токуз-огузы*, они ассимилировали *он-уйгуров* и *туцзюэ*, однако *уйгуры* смогли сохранить свое этническое самосознание – они в 744 году сумели захватить власть и создать свой Уйгурский каганат. Уже после развала каганата за отдельными группировками *уйгуров* и *огузов* в ближневосточных арабографичных источниках закрепился экзоэтноним *токузгуз*. Таким образом, выясняется, что в Восточном Тюркском каганате «*тюрки*» (собственно *тюркюты*, *туцзюэ* китайских источников) всегда были в этническом меньшинстве, а основную часть населения составляли тюркоязычные *он-уйгуры* и *токуз-огузы*.

В IX веке в связи с наступлением в Восточной Азии длительного ксеротермического периода древнетюркские каганаты (Восточнотюркский, Уйгурский, Кыркызский) распадаются; *огузские* племена покидают степи Монголии и начинают мигрировать на запад, в Среднюю Азию. А.Г. Агаджанов полагает, что в Средней Азии «название *огуз* первоначально употреблялось для обозначения различных по происхождению тюркоязычных групп, преимущественно кочевников, живших наиболее компактно в Прикаспии, низовьях Сырдарьи и Приаралье. В пределах современного Казахстана и Средней Азии оно получило широкое распространение начиная с IX – X вв.» (Агаджанов, 1991: 4). Во второй половине IX – начале X вв. сформировался племенной союз *огузов* Приаралья (*гузз*, *гуззия* ближневосточных арабографичных источников). *Огузы* Приаралья и нижнего течения Сырдарьи стали основателями могущественного Сельджукского султаната, который вскоре распространил своё влияние на Иран, Анатолию и даже Месопотамию. Именно в Средней Азии автохтонное ираноязычное население по старой памяти стало называть переселившихся из Внутренней Азии племена огузского этнолингвокультурного континуума *тюрками* и *туркменами* (Sümer, 1992).

В современной истории Центральной Азии сложилось представление, что слово *тюрк* первоначально означало племя или группу тюркоязычных племён в районе Алтая, а затем, с созданием политического объединения, вошедшего в историю под названием «Тюркский каганат», оно получило более широкое распространение, пока не превратилось в политоним, обозначивший всё подвластное Тюркскому каганату население степей (Кляшторный, 2006: 16). В зависимости от конкретного контекста, «этнонимический» термин *тюрк* (др.-тюрк. *türk*) имеет разные дефиниции: 1) политическая категория: а) самоназвание племенной группировки на северо-востоке Циркумгобийского региона в VI–X веках; б) общее название для всех народов, входивших в возглавляемое *тюркютами* (в китайских источниках *туцзюэ*) политическое объединение, известное как Восточнотюркский каганат; в) обобщающее название, применявшееся к отдельным группам различных кочевых народов евразийских степей как в собственно степной традиции, связывающей данные племенные группы с существовавшим некогда политическим объединением, так и иноземными авторами, применявшими этот термин в качестве общего наименования или

¹ разрядка автора

штампа (Golden, 1982: 40-42; 1992: 115-116); 2) лингвистическая категория: а) общее название группы родственных языков; 3) этническая категория, употребляется для обозначения а) современного населения Турецкой Республики (в русском языке здесь выступает вариант *турок*, *турки*); б) этнографической группы тюркоязычного населения с автоэтнонимом *түрк*, проживающего на территории Узбекистана и южного Таджикистана (Кармышева, 1960: 3-32; Тишин, 2018: 169-170).

Этноним *тюрк* в этимологическом отношении является производным от иранской (авестийской) основы *tūr(a)* с помощью иранского же деривационного суффикса **-ika*, обозначающего человека, связанного каким-либо образом с обозначаемым производящей основой объектом. Этот суффикс восходит к индоевропейскому **-iko*, давшему в русском языке форму *-ец*. Следовательно, комбинация **tūr(a)-ik(a)* в восточноиранских языках (согдийском, хорезмийском, хотанско-сакском и др.) должна была стянуться в форму типа **tūr(ī)k* (по аналогии с **ariya-ik(a)* > среднеиран. **ērīk*; кстати, отсюда эпоним *Ирак*). Оседло-земледельческое население Ирана термином **tūr(ī)k* обозначало скотоводческие племена – потомков авестийских «туров с быстрыми конями», то есть туранцев – жителей Турана. В устах иранцев (**ērīk*) – жителей земледельческой страны – слово **tūr(ī)k* «туранец» со временем приобрело значение «кочевник» (Егоров, 2018: 64-65). О.А.Мудрак поясняет, что этнонимический термин *тюрк* исторически «является согдийским иранским заимствованием с характерным умляутом первого гласного при суффиксе относительного прилагательного *-īk* (< **-iyaka*), использующегося для людей конкретного региона, в том числе и **ērīk* – при названии земледельческой области *Agyān`a* и **twirīk* – при названии кочевнической области *Turān`a*. Таким образом, буквальное значение у тюрк. **tūrīk* «туранец, кочевник» (Мудрак, 2016: 358). В настоящее время в официальной науке общепринятым является постулат о восточноиранском происхождении авестийских *туров* (авест. *tūra*) и их потомков – *тюрков* / *турков* (*Turcae*, *Turcae*) античных и ближневосточных источников. Основоположниками иранской теории происхождения античных *тюрков* / *турков* являются Вс.Ф.Миллер, Л.Згуста, М.Фасмер, Я.Харматта, И.М.Дьяконов, В.И.Абаев, Э.А.Грантовский и др. Так, В.И.Абаев, касаясь проблемы этнолингвокультурной атрибуции восточноиранских племён скифо-сакского круга, куда относятся и

тюрки античных источников (Геродота, Помпония Мелы, Гая Плиния Секунда и др.), писал: «...мы получили некоторую сумму положительных, твердых и бесспорных данных, которые не могут быть поколеблены никакими будущими изысканиями и открытиями. Эти данные характеризуют скифский язык, обладающий чертами своеобразной и хорошо выраженной индивидуальности» (Абаев, 1949: 239). Следовательно, этнонимический термин *тюрк* первоначально относился к сфере восточноиранских кочевников Центральной Азии. Установление этого факта требует самого тщательного анализа данных античных и средневековых источников о тюрках Средней Азии.

«Тюрки» Средней Азии и Западного Тюркского каганата

Современные востоковеды пришли к пониманию того непреложного исторического факта, что термины *туры* (авест. *tūra*) и *тюрки* (авест. *tuiryaka*) возникли в среде восточноиранских (скифо-сакских) племён Средней Азии ещё в ту далёкую эпоху, когда часть саков Казахстана и юга Западной Сибири перешла на новый хозяйственно-экономический уклад жизнеобеспечения, основанный на отгонно-кочевом скотоводстве. Очевидно, первыми нарекли своих соплеменников «турами на быстрых конях» ираноязычные оседло-земледельческие племена Средней Азии. Во всяком случае, этнонимический термин *tūr(a)* впервые зафиксирован в «Авесте» (VII–VI вв. до н.э.) в двух формах: более древняя форма *tūiriānqm* фигурирует в одном ряду с этнонимами *ариев* – (авест. *airiānqm*) и *сауримов* (авест. *sairimanqm*), а более поздняя форма *tūra* (*tūr*). Последняя форма позднее легла в основу исторического топонима *Туран*, обозначающего практически всю Среднюю Азию, где ещё со II тысячелетия до н.э. обитали восточноиранские племена скифо-сакского круга. Переход на более прогрессивный в условиях степной экологической ниши хозяйственный уклад первичного производства и жизнеобеспечения способствовал быстрому росту численности *туров*, и они в течение считанных десятилетий завладели огромными степными просторами Центральной Азии. Уже к середине I тысячелетия до н.э. восточноиранские пасторальные племена расселились практически по всей аридной зоне Евразии – от Ляодунского залива и Хангайских гор в Центральной Монголии до Нижнего Подунавья и Венгерской пушты на западе.

Во времена широкой экспансии «*туров с быстрыми конями*» значительные группы дру-

гих восточноиранских племён были оттеснены частью на восток, в Саяно-Алтайский и Циркумгобийский регион, частью на юг, в Среднюю Азию (Западный Туркестан). Судя по «Авесте» и «Шахнаме» Фирдоуси, *туры* уже в конце IX века до н.э. совершили свой первый набег в Среднюю Азию во главе с полупоэтическим Франгрансьяном (Афрасиабом Туранским). В дальнейшем эти набеги повторялись не раз. Таким образом, в Средней Азии формировались значительные группировки туров – этнические предки согдийцев, хорезмийцев, бактрийцев, а в историческом Большом Туране (Западном Туркестане) – Средней Азии и Казахстане – на долгое время закрепились историческая память об авестийских «турах с быстрыми конями». Скупые сведения о далёком Туране и *туранцах*, очевидно, через Иран и Малую Азию проникали далеко на запад и становились достоянием античных (восточноримских и византийских) хронографов.

В западной, греко-римской историографической традиции *тюрки* (греч. *Ῥῆραι*) впервые были замечены ещё Геродотом Галикарнасским (около 484 г. до н.э. – около 425 г. до н.э.). Однако то ли переписчики, то ли переводчики и издатели исказили интересующий нас этнонимический термин до неузнаваемости – даже в современных академических изданиях его «Истории» вместо реальных *тюрков* (греч. *Ῥῆραι*) протографа Геродота выступают мифические *иирки* (греч. *Ἰῆραι*). Ошибка вроде бы небольшая: кто-то принял греческую букву “Т” (*tau*) за “Г” (*gamma*).

Загадочные *иирки* приглянулись и тюркологам. Вот что пишет о них М.З.Закиев: «Рядом с *аргиптеями* (*ар-гиптеи* – это тюркское *ир-ат*, часть *ат* (видимо, «лошадь») переведена Геродотом на греческий язык словом *гиптеи*) он отмечает *иирков*, этноним которых состоит из *ийи* ~ *ийэ*, что соответствует слову *би*: *ийи* ~ *ийэ* «хозяин, хороший, богатый», *эрк* «мужчина, самец». Учёные установили, что *аргиптеи* (*ират*) – это предки башкир, а *иирки* – это предки *биаров* (*бияров*). Таким образом, тюркоязычные племена – «богатые хозяева» (*иирк*, *биар*, *бияр*, *бигер*) жили в Волго-Камском регионе ещё в IX–VII вв. до н.э. И их этноним в форме *бигер* дошёл до наших дней как одно из названий *татар*, а в форме *биар* он был названием известного в истории государства *Биарм* (*мой биар*), по-русски – *Биармии*, по-европейски – *Биармланд*» (Закиев, 1995: 32). Увы, эти фантазии далеки от науки.

Однако, Геродот сообщает о мифических *иирках*: «За будинами к северу сначала прости-

рается пустыня на семь дней пути, а потом далее на восток живут *фиссагеты* – многочисленное и своеобразное племя. Живут они охотой. В тех же краях по соседству с ними обитают люди по имени *иирки*. Они также промышляют охотой и ловят зверя следующим образом. Охотники подстерегают добычу на деревьях (ведь по всей их стране густые леса). У каждого охотника наготове конь, приученный лежать на брюхе, чтобы меньше бросаться в глаза, и собака. Заметив зверя, охотник с дерева стреляет из лука, а затем вскакивает на коня и бросается в погоню, собака же бежит за ним. Над *иирками* к востоку живут другие скифские племена. Они освободились от ига царских скифов и заняли эту землю» (Геродот, 2006: 264). Здесь важно заметить, что Геродот считает *тюрков* (*иирков*) одним из «других скифских племён». А мы знаем, что этнонимический термин «скиф» (греч. *Σκύθαι* / *Scythae*) является греческой репликой восточноиранской формы множественного числа от *сака* (др.-перс. *Sakā-* «скиф»; греч. *Σάκαι*). Следовательно, загадочные *иирки* Геродота оказываются одной из племенных группировок скифо-сакского круга. Определённые трудности с локализацией *тюрков* (*иирков*) Геродота легко преодолеваются, если «пустыню на семь дней пути» идентифицировать с великими пустынями Средней Азии – Каракумами и Кызылкумами².

Проблема этноязыковой атрибуции *иирков* и их географической локализации требует самостоятельного исследования (надеюсь, в ближайшее время удастся опубликовать такую работу), но уже сейчас ясно, что предлагаемая локализация находит полное подтверждение показанием всей совокупности доступного репрезентативного эмпирического материала о восточноиранских племенах скифо-сакского круга.

Заключение

Нет сомнения в том, что античные авторы писали о восточноиранских племенах – потомках авестийских туров, а средневековые авторы без малого через пять столетий стали писать уже о тюркоязычных этносах юга Восточной

² О локализации топонимов Скифии античных авторов см. Куклина, 1985, 175-190; согласно её исследованиям, *Танаис* античных авторов – это *Сырдарья*; *Рипейские горы* – горная система *Тянь-Шань*, *Меотида* – *Аральское море* и *Каспий*; византийцы считали Каспийское море заливом Океана, окружающего землю, и не имели представления о северо-восточных очертаниях Каспия, что давало им возможность смешивать его с Аралом.

Европы. Поэтому нельзя огульно сопоставлять «турков» Помпония Мелы с «тюрьками» средневековых авторов – за этими терминами несомненно стоят разные этнолингвокультурные континуумы. Вместе с тем нельзя сбрасывать со счетов и внешнее звуковое сходство терминов «турк» и «тирк» римских авторов начала нашей эры с современным этнонимическим термином «тюрк» – между ними явно прослеживается глубинная генетическая связь.

И действительно, вопрос о происхождении этнонимического термина *турк* / *тюрк*, а в более широком смысле – проблема этнолингвокультурной идентификации средневекового народа с таким именем, – требует всестороннего изучения и научного обоснования. По правде говоря, вопрос в таком ракурсе в тюркологии никогда не ставился. Востоковеды априори приняли на веру, что под термином «*тюрки*» «и ныне, и присно, и во веки веков» понималась некая общность тюркоязычных народов, и ни у кого это умозрительное предположение серьёзных подозрений не вызывало. Учёные мужи в кои-то веки были очарованы колдовскими чарами термина «*тюрки*», и тот повёл их по ложному пути. Как следствие слепого следования за этнонимом, в анналах истории появился Великий Тюркский каганат, якобы «распростёршийся от моря и до моря», не успев даже толком сформироваться. Возникли такие искусственные конструкты, как Восточный и Западный тюркские каганаты и т.д. И никому в голову не пришла мысль о необходимости проведения предварительной лингвистической экспертизы этнонима «*тюрк*» на предмет выявления его происхождения и истинного предметно-понятийного содержания. Более того, даже современные исследователи, как правило, стараются дистанцироваться от навязчивой проблемы этноязыковой атрибуции сообществ людей, скрывающихся за раннесредневековыми терминами, *турки*, *тюрки*, *туцзюэ*, *тюркюты* и т.п.

В настоящее время профессионально подготовленным специалистам хорошо известно,

что этнонимический термин «*тюрк*» восходит к восточноиранскому (согдийскому) этнониму *turk* (мн. ч. *turkut* / *turkut*, отсюда кит. *tūjué* / *туцзюэ*) «жители Турана». *Туцзюэ* китайских исторических источников с самого начала были отождествлены с древними тюрками, вернее – с тюркоязычными огузами, уйгурами и другими племенами, отчего пошли дальнейшие ошибочные построения в реконструкции слабо документированного раннего этапа этнолингвокультурной истории Центральной Азии. Судя по сведениям китайских династийных хроник, в середине V в. н.э. на юго-западе Циркумгобийской историко-культурной провинции всё больший политический вес приобретают обосновавшиеся на основных торговых магистралях Великого шёлкового пути согдийские торговцы – *туцзюэ* китайских исторических источников. Они стали хозяевами на центральноазиатском и среднеазиатском участках торгового пути из Китая в страны Средиземноморья и контролировали участок Великого шёлкового пути от Пайкенда до Сирии. Именно согдийцы послужили той «закваской», оказавшей огромное воздействие на всю культуру региона и формирование государственности древнетюркских (*огузских*, *огурских* / *уйгурских* и прочих) племён. Обосновавшись в Турфанско-Хамийском бассейне, в районе «Золотых гор» (кит. *Цзиньшань*, современный хребет Алтындаг на юго-востоке горной системы Тянь-Шань), и Ганьсуйского коридора, согдийцы, ассимилировавшие огузское тюркское население Пинляна (*Пинлян цза ху* китайских источников), положили начало формированию государственности *тюркютов* (*туцзюэ* китайских источников). Специалистам хорошо известно, что этнополитоним *туцзюэ* китайских источников к собственно *тюрькам* (в современном понимании смыслового содержания этого слова) не имеет никакого отношения. И только в процессе формирования Восточнотюркского каганата в его состав были инкорпорированы сначала *огуры* (*он-уйгуры*), а затем и *огузы* (*токуз-огузы*).

Литература

- Абаев В.И. Скифский быт и реформа Зороастра // Archiv orientalni. – Praha: Orientalni institute, 1956. Vol. XXIV. – P. 23–56.
- Агаджанов С.Г. Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI – XII вв. – М.: Наука, 1991.
- Бартольд В.В. Сочинения. Т. II (1): Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. – М.: Изд-во вост. лит., 1963. – 1020 с.
- Геродот. История / Пер. и примеч. Г.А.Стратановского. – М.: АСТ; Хранитель, 2006. – 672 с.

Голден П.Б. Племена Западного Тюркского каганата: *Ок (Oq) и Огуз ~ Огуз (Oğur ~ Oğuz)*: К вопросу о взаимосвязи терминов // Западный Тюркский каганат: Атлас. – Астана: ServisePress, 2013. – С. 50–82.

Егоров Н.И. Избранные труды: Этимология. Этноглоттогенез. Этнолингвокультурология. – Астана; Чебоксары: Новое Время, 2009. Т. I. – 1016 с.; Т. II. – 848 с.

Егоров Н.И. Манифестация огурского (прабулгарского) этнолингвокультурного горизонта / континуума в истории аридного пояса Евразии // Егоров Н.И. Избранные труды по этнолингвогенезу и этнической истории чувашского народа. – Чебоксары: Новое Время, 2017. – С. 69–168.

Егоров Н.И. Мифологическая основа древнетюркских генеалогических преданий // Материалы Международной научно-теоретической конференции «Наследие Серикбола Кондыбая: новые взгляды на развитие мировой мифологии» (К 50-летию учёного мифолога Серикбола Кондыбая), Актау, 6-8 июня 2018 г. –Караганда: Экожан, 2018. – С. 43–80.

Егоров Н.И. Язык как исторический источник. – Алматы, 2021. – 22 с.

Закиев М.З. Происхождение тюрков и татар. – М.: Инсан, 2003. – 496 с.

Закиев М.З. Этнические корни татарского народа // Татары: проблемы истории и языка (Сборник статей по проблемам лингвостраноистории, возрождения и развития татарской нации). – Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АНТ, 1995. – С. 12–37.

Закиев М.З. Этнические корни тюркских народов // Проблемы востоковедения. – Уфа, 2009. № 1 (43). – С. 136–144.

Кажыбек Е.З. Принципы реконструкции пра- и протоязыковых систем: преимущества комплексного подхода // *Bilgamesh*. № 3: Археология слова: языки, письменные памятники и история. – Алматы, 2020. – С. 9–19.

Кармышева Б.Х. Этнографическая группа «тюрки» в составе узбеков // Советская этнография. – М., 1960. –№ 1. – С. 3–22.

Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. –СПб.: Наука, 2006. – 591 с.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей: Древность и средневековье. –СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. – 320 с.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей: Древность и средневековье / 2-е изд., исправл. и доп. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. – 368 с.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени / 3-е изд., исправл. и доп. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009. – 432 с.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: Летопись трёх тысячелетий. – Алма-Ата: Руан, 1992. – 378 с.

Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 192 с.

Куклина И.В. Этнография Скифии по античным источникам. – Л.: Наука, 1985. – 205 с.

Левитская Л.С. Имеются ли в чувашском языке огузские элементы? // *Chuvash Studies* / Ed. by A. Róna-Tas. – Budapest: Akadémiai kiado, 1982. – С. 97–103.

Мудрак О.А. Заметки по иноязычной лексике хазарско-еврейских документов // Хазарский альманах. – М., 2016. Т.14. – С. 349-379.

Радлов В.В. К вопросу об уйгурах: (Из предисловия к изданию Кудатку-Билика). – СПб., 1893 (приложение к Запискам Императорской Академии Наук. Т. LXXII. № 2). – 130 с.

Тишин В.В. Рец. на кн.: Бураев А.И. Древние тюрки Монголии (реконструкция антропологического состава по данным скульптурных изображений) / Отв. Ред. П.Б.Коновалов. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. 207 с. // Тюркологические исследования. – Казань, 2018. Т. I. № 2. – С. 177-196.

Туймебаев Ж.К. История тюрко-казахско-монгольских этноязыковых взаимоотношений. – Астана, 2008. – 367 с.

Туймебаев Ж.К. Проблема анлаутных губных согласных в алтайских языках (ревизия фонетического закона Рамштедта-Пеллио). – М., 2004. – 182 с.

Туймебаев Ж.К. Становление и развитие алтайской теории и алтаистики. – Туркестан: Изд-во МКТУ им. Х.А.Ясави, 2006. – 272 с.

Федотов М.Р. О некоторых огузских чертах чувашского языка // Советская тюркология. – Баку, 1977. № 1. – С. 25 – 32.

Черных Е.Н. Степной пояс Евразии: Феномен степных культур. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 624 с.

Golden P.B. An Introduction to the History of Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992 (Turkologica. Bd. 9).

Golden P.B. Imperial Ideology and the Sources of Political Unity amongst the Pre-Cinggisid Nomads of Western Eurasia // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1982. Т. II. P. 37-76.

Golden P.B. *Oq and Oğur ~ Oğuz* // *Turkic Languages*. – Wiesbaden, 2012. Vol. 16. – P. 155–199.

Sümer F. *Oğuzlar (Türkmenler): Tarihleri, boy teşkilatı, destanları*. – İstanbul: TDAV; Dizgi-Montaj-Baskı, 1992. – 394 s.

Zakiev M. *Türklerin ve Tatarların kökeni*. – İstanbul: Selenge Yayınları, 2006. – 512 s.

References

Abaev V.I. (1956) *Skifskii byt i reforma Zoroastra* [Scythian Life and Zoroaster's Reform] // *Archiv orientalni*. Praha: Orientalni institute, Vol. XXIV. P. 23–56. (in Russian)

Agadzhanov S.G. (1991) *Gosudarstvo Seldzhukidov i Srednyaya Aziya v XI – XII vv.* [The Seljukid State and Central Asia in the 11th-12th centuries]. M.: Nauka. (in Russian)

- Bartold V.V. (1963) Sochineniya. T. II (1): Obshchie raboty po istorii Srednei Azii. Raboty po istorii Kavkaza i Vostochnoi Evropy. [Essays. Vol. II (1): General Works on the History of Central Asia. Works on the History of the Caucasus and Eastern Europe]. M.: Izd-vo vost. lit., 1020 s. (in Russian)
- Gerodot. (2006) Istoriya [History] / Per. i primech. G.A. Stratanovskogo. M.: AST; Khranitel, 672 s. (in Russian)
- Golden P.B. (2013) Plemena Zapadnogo Tyurkskogo kaganata: Ok (Oq) i Ogur ~ Oguz (Oğur ~ Oğuz): K voprosu o vzaimosvyazi terminov [Tribes of the Western Turkic Kaganate: Ok (Oq) and Ogur ~ Oguz (Oğur ~ Oğuz): On the Relationship of the Terms] // Zapadnyi Tyurkskii kaganat: Atlas. Astana: Servise Press, S. 50–82. (in Russian)
- Egorov N.I. (2009) Izbrannye trudy: Etimologiya. Etnoglottogenez. Etnolingvokulturologiya [Selected Works: Etymology. Ethnoglottogenesis. Ethnolinguoculturology]. Astana; Cheboksary: Novoe Vremya, T. I. 1016 s.; T. II. 848 s. (in Russian)
- Egorov N.I. (2017) Manifestatsiya ogurskogo (prabulgarskogo) etnolingvokulturnogo gorizonta / kontinuum v istorii aridnogo poyasa Evrazii [Manifestation of the Ogur (Prabulgarian) ethno-linguistic-cultural horizon / continuum in the history of the arid belt of Eurasia]. // Egorov N.I. Izbrannye trudy po etnolingvogenezu i etnicheskoi istorii chuvashskogo naroda. Cheboksary: Novoe Vremya, S. 69–168. (in Russian)
- Egorov N.I. (2018) Mifologicheskaya osnova drevnytyurkskikh genealogicheskikh predanii [Mythological basis of ancient Turkic genealogical legends]. // Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii «Nasledie Serikbola Kondybaya: novye vzglyady na razvitie mirovoi mifologii» (K 50-letiyu uchenogo mifologa Serikbola Kondybaya), Aktau, 6-8 iyunya 2018 g. Karaganda: Ekozhan, S. 43–80. (in Russian)
- Egorov N.I. (2021) Yazyk kak istoricheskii istochnik [Language as a Historical Source]. Almaty, 22 p. (in Russian)
- Zakiev M.Z. (2003) Proiskhozhdenie tyurkov i tatar [The Origin of the Turks and Tatars]. M.: Insan, 496 p. (in Russian)
- Zakiev M.Z. (1995) Etnicheskie korni tatarskogo naroda [Ethnic Roots of the Tatar People] // Tatars: problemy istorii i yazyka (Sbornik statei po problemam lingvoetnoistorii, vrozhdeniya i razvitiya tatarskoi natsii). Kazan: IYaLI im. G.Ibragimova ANT, P. 12–37. (in Russian)
- Zakiev M.Z. (2009) Etnicheskie korni tyurkskikh narodov [Ethnic Roots of Turkic Peoples] // Problemy vostokovedeniya. Ufa, № 1 (43). P. 136–144. (in Russian)
- Kazhybek E.Z. (2020) Printsipy rekonstruktsii pra- i protoyazykovykh sistem: preimushchestva kompleksnogo podkhoda [Principles of Reconstruction of Proto- and Proto-lingual Systems: the Advantages of a Comprehensive Approach]. // Bilgamesh. № 3: Arkheologiya slova: yazyki, pismennye pamyatniki i istoriya. Almaty, S. 9–19. (in Russian)
- Karmysheva B.Kh. (1960) Etnograficheskaya gruppa «tyurki» v sostave uzbekov [Ethnographic group “Turks” as part of the Uzbeks] // Sovetskaya etnografiya. M., № 1. S. 3–22. (in Russian)
- Klyashtorny S.G. (2006) Pamyatniki drevnytyurkskoi pismennosti i etnokulturnaya istoriya Tsentralnoi Azii [Ancient Turkic writing monuments and the ethnocultural history of Central Asia]. SPb.: Nauka, 591 s. (in Russian)
- Klyashtorny S.G., Sultanov T.I. (2000) Gosudarstva i narody evraziiskikh stepei: Drevnost i srednevekove [States and Peoples of the Eurasian Steppes: Antiquity and the Middle Ages]. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 320 s. (in Russian)
- Klyashtorny S.G., Sultanov T.I. (2004) Gosudarstva i narody Evraziiskikh stepei: Drevnost i srednevekove [States and Peoples of the Eurasian Steppes: Antiquity and the Middle Ages]. / 2-e izd., ispravl. i dop. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 368 s. (in Russian)
- Klyashtorny S.G., Sultanov T.I. (2009) Gosudarstva i narody Evraziiskikh stepei: ot drevnosti k Novomu vremeni [States and Peoples of the Eurasian Steppes: From Antiquity to the Modern Age]. / 3-e izd., ispravl. i dop. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 432 p. (in Russian)
- Klyashtorny S.G., Sultanov T.I. (1992) Kazakhstan: Letopis trekh tysyacheletii [Kazakhstan: The Chronicle of Three Millennia]. Alma-Ata: Ruan, 378 p. (in Russian)
- Kononov A.N. (1958) Rodoslovnaya turkmen. Sochinenie Abu-l-Gazi, khana khivinskogo [Genealogy of the Turkmen. Composition by Abu'l-Ghazi, Khan of Khiva]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 192 s. (in Russian)
- Kuklina I.V. (1985) Etnografiya Skifii po antichnym istochnikam [The Ethnography of Scythia from Ancient Sources]. L.: Nauka, 205 s. (in Russian)
- Levitskaya L.S. (1982) Imeyutsya li v chuvashskom yazyke oguzskie elementy? [Are there Oghuz elements in the Chuvash language?] // Chuvash Studies / Ed. by A. Róna-Tas. Budapest: Akadémiai kiado, S. 97–103. (in Russian)
- Mudrak O.A. (2016) Zametki po inoyazychnoi leksike khazarско-еврейских документов [Notes on the Foreign Language Vocabulary of Khazar-Jewish Documents] // Khazarskii almanakh. – M., T.14. S. 349-379. (in Russian)
- Radlov V.V. (1893) K voprosu ob uigurakh: (Iz predisloviya k izdaniyu Kudatku-Bilika) [To the question of the Uighurs: (From the preface to the Kudatku-Bilik edition)]. SPb., (prilozhenie k Zapiskam Imperatorskoi Akademii Nauk. T. LXXII. № 2). – 130 s. (in Russian)
- Tishin V.V. (2018) Rets. na kn.: Buraev A.I. Drevnie tyurki Mongolii (rekonstruktsiya antropologicheskogo sostava po dannym skulpturnykh izobrazhenii) [Ancient Turks of Mongolia (reconstruction of anthropological composition according to sculptural images)] / Otv. Red. P.B.Kononov. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2007 s. // Tyurkologicheskie issledovaniya. Kazan, T. I. №2. – S. 177-196. (in Russian)
- Tuimebaev Zh.K. (2008) Istoriya tyurko-kazakhско-mongolskikh etnoyazykovykh vzaimootnoshenii [History of Turkic-Kazakh-Mongolian ethno-linguistic relations]. Astana, 367 s. (in Russian)

Tuimebaev Zh.K. (2004) Problema anlautnykh gubnykh soglasnykh v altaiskikh yazykakh (reviziya foneticheskogo zakona Ramstedta-Pellio) [The Problem of the Anlautic Lip Consonants in the Altai Languages (Revision of the Phonetic Law of Ramstedt-Pellio)]. M., 182 s. (in Russian)

Tuimebaev Zh.K. (2006) Stanovlenie i razvitie altaiskoi teorii i altaistiki [Formation and Development of Altai Theory and Altai Studies]. Turkestan: Izd-vo MKTU im. Kh.A.Yasavi, 272 s. (in Russian)

Fedotov M.R. (1977) O nekotorykh oguzskikh chertakh chuvashskogo yazyka [On Some Oghuz features of the Chuvash language]. // Sovetskaya tyurkologiya. Baku, № 1. S. 25 – 32. (in Russian)

Chernykh E.N. (2009) Stepnoi poyas Evrazii: Fenomen stepnykh kultur [Eurasia's Steppe Belt: The Phenomenon of Steppe Cultures]. M.: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 624 s. (in Russian)

Golden P.B. (1992) An Introduction to the History of Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, (Turkologica. Bd. 9).

Golden P.B. (1982) Imperial Ideology and the Sources of Political Unity amongst the Pre-Cinggisid Nomads of Western Eurasia // Archivum Eurasiae Medii Aevi. T. II. P. 37-76.

Golden P.B. (2012) *Oq* and *Oğur* ~ *Oğuz* // Turkic Languages. Wiesbaden, Vol. 16. – P. 155–199.

Sümer F. (1992) *Oğuzlar (Türkmenler): Tarihleri, boy teşkilatı, destanları*. İstanbul: TDAV; Dizgi-Montaj-Baskı, 394 s.

Zakiev M. (2006) *Türklerin ve Tatarların kökeni*. İstanbul: Selenge Yayınları, 512 s.